

## МАЛОРОССИЙСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ НА СТАРОДУБЩИНЕ. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА (1812–1814)

**Е. В. Хроленок**

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,  
г. Минск, Республика Беларусь, evgeny00@mail.ru*

В работе на основе широкого круга архивных источников освещается вопрос участия жителей Стародубщины в войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. в составе Малороссийского ополчения. Делается акцент на пограничную специфику региона, которую успешно использовало российское правительство, так как, несмотря на утрату Стародубщиной порубежного статуса, между краем и территориями бывшего Великого Княжества Литовского пролегла фантомная граница, разделявшая население теперь уже одного государства. При этом использование стародубских казаков и крестьян во время указанных военных конфликтов являлось и очередным этапом преобразований проводимых в регионе с конца XVIII до середины XIX в.

**Ключевые слова:** Стародуб; война 1812 года; пограничный регион; малороссийское ополчение; казаки.

## MALORUSSIAN MILITIA IN STARODUBSHCHINA. EXPERIENCE OF USING THE BORDER SPECIFICITY OF THE REGION (1812–1814)

**E. V. Khrolenok**

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,  
Republic of Belarus, evgeny00@mail.ru*

The article, based on a wide range of archival sources, highlights the issue of the participation of Starodub residents in the war of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army in 1813–1814 as part of the Malorussian militia. Emphasis is placed on the border specifics of the region, which was successfully used by the Russian government, since, despite the loss of Starodubshchina's border status, a phantom border ran between the region and the territories of the former Grand Duchy of Lithuania, dividing the population of what was now one state. At the same time, the use of Starodub cossacks and peasants during the aforementioned military conflicts was also the next stage of the transformations carried out in the region from the end of the 18th to the middle of the 19th century.

**Keywords:** Starodub; war of 1812; border region; Malorussian militia; cossacks.

Стародубщина — историко-географический регион и сегодня находящийся в белорусско-российско-украинском пограничье. На протяжении XVI–XVIII вв. край оставался местом столкновения интересов Великого Княжества Литовского (ВКЛ), России и Гетманской Украины. При этом с середины XVII в. Стародуб являлся центром одноименного

полка — военно-административной единицы Гетманщины, а затем Малороссийского генерал-губернаторства. Данное положение изменилось лишь в результате деятельности императрицы Екатерины II, благодаря которой границы России были отодвинуты далеко на запад от Стародубщины. Регион был разделен на четыре уезда, составлявшие северную часть Черниговской губернии. Однако за три неспокойных столетия в крае сложилась особая военная и социальная структура отвечающая вызовам порубежья. Ее реформирование правительством затянулось до середины XIX в. и только преобразования, проведенные в правление императора Александра II, окончательно растворили местную специфику.

Несмотря на утрату Стародубщиной статуса порубежного края, регион был отделен от бывших территорий ВКЛ фантомной границей. Последняя разделяла разное в ментальном плане население теперь уже одного государства. В результате одновременно с действиями по приведению региона к общегосударственным нормам, российское правительство на протяжении всей первой половины XIX в. вынуждено было в чрезвычайных обстоятельствах неоднократно прибегать к помощи местного населения сохранявшего свой воинственный дух. Впервые таким поводом стала Война четвертой коалиции 1806–1807 гг., когда в России было принято решение о создании Земского войска. Однако данное формирование практически не учитывало региональную специфику и не успело принять участие в боевых действиях в связи с заключением Тильзитского мира 1807 г.

Впервые в постпограничной истории региона жители Стародубщины приняли участие в действительных сражениях с неприятелем во время войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Вторжение армии императора французов Наполеона Бонапарта в Россию началось 11 июня 1812 г., а высочайший рескрипт об организации Малороссийских казачьих полков был издан уже 25 июня 1812 г. Правительство предписывало казакам образовать свои полки, путем выставления одного человека от 25 ревизских душ. При этом указывалось, что полки по окончании войны хоть и будут распущены, но «навсегда останутся принадлежащими к украинскому войску» [1, с. 47]. Стародубцы полагали, что теперь также как и их предки будут являться на службу по призыву государства, а после окончания боевых действий расходиться по домам. В результате такого народного подъема уже к 31 июля был сформирован 6-ой Черниговский казачий конный полк. В него поступило из Стародубского повета 262 города Стародуба и Мглинского повета 374 казака. Среди них были и 24 дворянина из числа положенных в оклад, часть из которых произвели в унтер-офицеры. Вахмистрами были назначены 6 казаков — ветеранов военных кампаний конца XVIII в. [2, л. 548–563]. Все малороссийские

полки организовывались, как легкая кавалерия и имели наибольшее сходство с уланскими. На вооружении каждого казака были сабля, уланская пика и два пистолета [3, с. 3]. При этом обязанность по обеспечению их провиантом, фуражом, лошадьми и вещами ложилась на казачьи общества. Данное обстоятельство причинило им значительный экономический ущерб. В результате затраты понесенные за время существования малороссийских полков казаки пытались компенсировать различными способами. Интересным здесь представляется пример казака с. Запольские Халеевичи Стародубского повета Ивана Игнатов Беляева. Согласно послужному списку, составленному в августе 1814 г. он числился среди пропавших без вести с 1812 г. [2, л. 560]. В это же время скончался бездетный брат Беляева, что дало повод его родственникам занять принадлежавший братьям земельный надел. Однако, не позднее 1816 г. Иван Игнатов Беляев возвратился в родное село, где нашел свой двор занятым. Отказываясь возвратить ему имущество, родственники ссылались, в том числе на то, что со своего надела несли обязанности по содержанию малороссийских полков за себя и за его покойного брата в 1812–1816 гг. Не найдя возможности возвратить имущество Иван Беляев «пустился в пьянство» [4].

Одновременно с формированием конных полков, в соответствии с манифестом от 18 июля 1812 г. шел сбор и пешего ополчения. Ратники в него набирались из мещан, казенных и помещичьих крестьян из расчета 1 человек от 15 ревизских душ. Как отмечал Б. С. Абалихин, народный подъем был в Черниговской губернии очень высок и только с 27 июля по 3 августа 1812 г. из двух уездов относящихся к Стародубскому региону — Мглинского и Суражского в ополчение поступили 2700 ратников, многие из которых уже были вооружены [5, с. 94]. Всего же, например в Мглинском повете было набрано 1593 защитника, а в Стародубском 1788 [6, л. 404–455; 7, л. 596–705 об.].

29 июля 1812 г. французские войска заняли Чечерск, а 30 июля Речицу. Чтобы не допустить вторжения неприятеля на территорию Малороссийского генерал-губернаторства, еще не до конца сформированные казачьи полки выступили на административную границу Черниговской губернии. Не дожидаясь прихода войск местное население Стародубского, Новозыбковского, Суражского и Мглинского поветов начало самостоятельно организовывать дружины самообороны. В результате вторгшиеся отряды французских войск были разбиты и отступили, бросив награбленные обозы. Именно эти дружинники и составили затем основную часть ратников при формировании пеших полков [5, с. 99].

Уже в начале августа малороссийские ополченцы освободили Чечерск. 6-му Черниговскому казачьему полку было поручено вести наблюдение

восточнее города — началось формирование «кордонной цепи» прошедшей, в том числе и по границе Стародубщины. Таким образом, регион вновь, хоть и условно, приобрел порубежный статус. Силы местного ополчения были призваны сдерживать неприятеля и не допустить его вторжения на Украину. Необходимо отметить, что проведя весь август 1812 г. в столкновениях с противником защитники свою обязанность выполнили.

В сентябре 1812 г. 6-ой Черниговский казачий конный полк поступил под командование ротмистра Барсукова. В середине того же месяца французские войска начали новую попытку наступления на юг. Части российской регулярной армии были вынуждены отступить за р. Сож. На помощь им были направлены три эскадрона 6-го Черниговского полка и 1000 пеших ратников при четырех орудиях. 14 сентября они приняли бой с переправившимися через р. Днепр союзными Наполеону польско-немецкими войсками и отбросили их за пределы Черниговской губернии. Однако 18 сентября противнику удалось занять Чечерск. В то же время российское командование скопило на северной границе Черниговской губернии значительные силы, состоящие преимущественно из малороссийских ополченцев и перешло в контрнаступление. Уже 26 сентября Чечерск был освобожден, а затем черниговцы разбили неприятеля у Речицы. Французские войска, сняв осаду Бобруйской крепости, отступили в Могилев [5, с. 104–105].

12 октября французы вновь заняли Чечерск, но вновь были выбиты из города черниговскими ополченцами при поддержке регулярных войск. В то же время из Рогачева на Пропойск выступила польская кавалерия, которая затем, не встречая серьезного сопротивления, вторглась на территорию Стародубщины. Однако там они потерпели поражение от пешего ополчения и 6-го Черниговского казачьего полка, после чего стародубцы перешли в наступление на Рогачев. На протяжении октября 1812 г. малороссийские ополченцы продолжали вступать в столкновения с отрядами неприятеля вторгавшегося на Стародубщину [5, с. 109–110].

2 ноября 6-й Черниговский казачий полк вместе со стародубскими ратниками в составе корпуса генерал-лейтенанта Н. В. Гудовича выступил на Могилев для освобождения города. Во время этого похода казаки неоднократно вступали в бои с противником, чем внесли свой вклад в освобождение территории современной Беларуси от неприятеля. Однако Могилев был занят русскими войсками еще до подхода черниговцев. Последние прибыли в город только 17 ноября и оттуда были направлены в Бельниччи [8, с. 130–135].

Во второй половине ноября 1812 г. 6-й Черниговский полк вместе с ратниками Стародубского повета был направлен на Волынь, где началась их подготовка к заграничному походу. Новым командиром 6-го полка был

назначен майор Я. И. Турчанинов. Ратникам выдавалось огнестрельное оружие, вероятно в этот же период конные и пешие полки ополчения получили свои знамена, описание которых было составлено только в 1847 г. Так, например, знамя Новозыбковского полка представляло собой полотнище белого цвета с золотом по краям. На нем спереди был изображен черный орел, с другой стороны — распятие, внизу в золотых лаврах золотыми литерами — «АІ» и под распятием — «За веру», а под лаврами — «и царя» [9, л. 9 об.].

В то же время холодная зима 1812/1813 гг. нанесла ополченцам урон не меньший, чем столкновения с неприятелем. Об этом свидетельствуют отметки о смерти стародубцев в госпиталях Новоград-Волынского, Овруча, Брест-Литовска [10, л. 606]. Если говорить о казаках, то в 1812 г. погиб или пропал без вести 31 стародубский казак 6-го Черниговского полка, еще 29 умерли от ран или болезней, что составляло более 20 % от общего числа казаков набранных в Стародубском повете [2, л. 548–563].

В феврале 1813 г. ополченцы получили приказ двигаться на территорию Герцогства Варшавского. Там они с июля и до ноября 1813 г. принимали участие в осаде крепости Замостье в составе корпуса генерал-лейтенанта С. Ратта до самой ее капитуляции. После чего 6-й Черниговский казачий полк был направлен в корпус генерал-лейтенанта А. Клейнмихеля к другой крепости — Модлин, которая сдалась в декабре 1813 г. Затем стародубцы несли караульную службу, конвоировали пленных, выполняли курьерские и полицейские обязанности на территории Герцогства Варшавского, находясь в распоряжении его генерал-губернатора [8, с. 139–140]. В Заграничном походе 1813–1814 гг. умерли или погибли 4 стародубских казака, столько же еще находилось в лазаретах к осени 1814 г. [2, л. 548–563].

30 сентября 1814 г. Малороссийские полки получили приказ возвращаться в места формирования. Казаки хоть и были распущены по домам, но оставались в положении запасных. Лишь 11 июня 1816 г. 6-ой Черниговский полк был окончательно расформирован.

Кроме того необходимо отметить, что участие стародубцев в кампаниях 1812–1814 гг. не ограничивалось одной лишь обязанностью поставлять ратников и обеспечивать их. В целом на территории Малороссийского генерал-губернаторства и непосредственно на Стародубщине было сосредоточено значительное количество складов с провиантом, снарядами и прочими необходимыми ресурсами. Для их транспортировки местное население было обязано предоставлять подводы и погонщиков [11, с. 194]. При этом отмечены случаи, когда последние не возвращались из армии и записывались их помещиком в рекруты в счет будущего набора [12, л. 102]. А после переноса военных действий за границы России в 1813–1814 гг.

Стародуб стал важным пунктом по пути конвоирования пленных французских солдат, а также польских, белорусских и литовских шляхтичей захваченных на территории бывшего ВКЛ. При этом охрана таких заключенных была поручена 1-му Черниговскому казачьему полку [13, л. 57, 147].

Свой вклад в обеспечение малороссийского ополчения внесли и дворяне Стародубщины. За что многие из них в 1814 г. были награждены бронзовой медалью «В память Отечественной войны 1812 г.». Так, достойными данной награды были признаны по Суражскому повету 56 человек, Новозыбковскому — 128, Новгород-Северскому — 220, Мглинскому — 191, Стародубскому — 249 [14, л. 5–8, 26–29, 125–135, 146–155, 179–200].

Несмотря на столь весомый вклад населения малороссийских губерний в победу — возрождения украинского войска так и не случилось. Казаков лишь освободили до 1820 г. от уплаты оброчного оклада и податей по части путей сообщения, а также от рекрутской повинности в 1812–1818 гг. Кроме того, указами от 1820 и 1823 гг. было постановлено, что малороссийские казаки являются полноправными собственниками своей земли и владеют ею «на праве дворянском», и соответственно могут ее продавать наравне с другим имуществом [1, с. 53]. Кроме того анализ последующих церковных документов позволяет сделать вывод о том, что возвратившиеся из ополчения стародубские ратники образовали специфическую сословную группу у себя на родине. Полагаем, что именно этим объясняется значительное количество браков, заключенных в последующие годы между родственниками бывших защитников [15].

Таким образом, первый в постпограничном периоде опыт военного использования стародубских казаков российским правительством был для него удачным. Наличие фантомной границы между землями бывшей Гетманщины и бывшего ВКЛ в совокупности с отождествлением местного населения себя, как противника польской шляхты, дала возможность Петербургу еще неоднократно использовать стародубских казаков в чрезвычайных обстоятельствах в ближайшие 50 лет.

### Библиографические ссылки

1. *Стороженко Н. В.* Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVII и в начале XIX века. Киев: Ун-т Св. Владимира, 1898.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 311. Д. 28.
3. *Калинин С. Е.* Малороссийские казачьи полки в 1812–1814 гг. Москва, 2011. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin\\_08.pdf](https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_08.pdf) (дата обращения: 26.08.2024).
4. Государственный архив Брянской области. Ф. 254. Оп. 1. Д. 259.

5. *Абалихин Б. С.* Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. 1962. Т. 72. С. 87–118.
6. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. 132. Оп. 1. Д. 154.
7. ГАЧО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1208.
8. *Оліянчук А. М.* Козацтво Лівобережжя України: соціальний статус і військові повинності (початок – 60-ті рр. ХІХ ст.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, КНУ. 2016.
9. ГАЧО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 31.
10. РГВИА. Ф. 395. Оп. 311. Д. 30.
11. *Абалихин Б. С.* Роль Украины в обеспечении в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы военной истории: XVIII и первая половина XIX в. 1969. С. 187–204.
12. ГАЧО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1377.
13. ГАЧО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1064.
14. ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 382.
15. ГАЧО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 535.